

Сталин летом 1941-го: управляя катастрофой¹

«ВСЕ ПРОСРАЛИ»

Марк Эделе – профессор истории Университета Мельбурна (Австралия), специалист по истории сталинизма и Второй мировой войны. Среди его последних книг «The Soviet Union: A Short History» (2019), «Debates on Stalinism» (2020), «The Politics of Veteran Benefits in the Twentieth Century: A Comparative History» (2020, в соавторстве с Мартином Кроптом и Нилом Дэймантом). Его очередная книга, «Stalinism at War, The Soviet Union in World War II», выйдет из печати в сентябре 2021 года.

Когда 22 июня 1941 года немцы разорвали договор о ненападении, заключенный с Советским Союзом, Сталин ощутил себя в ситуации полного провала. Начиная с 1939 года вся сталинская внешняя политика преследовала единственную цель: занять немцев чем угодно и где угодно – лишь бы только они держались подальше от Страны Советов. Именно для этого в августе 1939 года заключался пакт Молотова–Риббентропа: его предназначение состояло в том, чтобы сначала не допустить вовлечения Советского Союза в войну, затем ослабить капиталистов Великобритании и Германии, которым придется воевать друг с другом, а потом, если получится, собрать осколки Европы на свой лад. Сталин в то время мнил себя непревзойденным гением дипломатии. Никита Хрущев вспоминал потом:

«Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Он говорил нам: “Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет”»².

Более обстоятельно Сталин изложил собственные ожидания на встрече с близкими соратниками в Кремле через неделю после немецкого вторжения в Польшу:

«[Война идет] между двумя группами капиталистических стран [...] за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему»³.

- 1 Исследование, которое легло в основу настоящей статьи, стало возможным благодаря гранту Australian Research Council Future Fellowship FT140101100, фондам, выделенным Школой исторических и философских исследований (SHAPS) Университета Мельбурна, а также подписке на Цифровой архив Сталина (Stalin Digital Archive), постоянно возобновляемой университетской библиотекой.
- 2 KHRUSHCHEV S. (Ed.). *Memoirs of Nikita Khrushchev. Vol. 1: Commissar, 1918–1945*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2004. P. 225. (Приводимые здесь и ниже цитаты из русскоязычных источников сверены с оригиналами, любезно предоставленными автором. – *Примеч. перев.*)
- 3 *Notes from Meeting Stalin with Molotov, Zhdanov, Dimitrov (7 September 1939)* // BANAC I. (Ed.). *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949*. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 115.

Но с самого начала все пошло не так. Западные союзники вопреки ожиданиям не стали отвечать на польское вторжение выдвижением против Германии своих сухопутных армий, а гитлеровские войска на удивление успешно провели французскую кампанию: они разгромили Францию и сбросили англичан в море, избежав тем самым трясины затяжных боев, характерных для Первой мировой войны. Вместо того чтобы ослабнуть, Гитлер после первой фазы европейской войны стал гораздо сильнее⁴.

Однако, как полагал Сталин, пока англичане продолжают сопротивляться, нападение гитлеровцев на Советский Союз остается маловероятным. В середине апреля 1941 года на одном из дипломатических мероприятий между советским вождем и немецким военным атташе состоялся следующий краткий диалог:

«Немец? – спросил [Сталин] стоявшего по стойке смирно Кребса, одновременно пожимая ему руку. – Мы останемся друзьями в любом случае [дословно: независимо от того, что произойдет]”. От неожиданности Кребс не смог найти подходящего ответа, но заверил: “Я в этом убежден”. Свидетель этой сцены, военный атташе Швеции, обратил внимание на то, что, говоря так, Кребс вовсе не выглядел убежденным»⁵.

Только безумец, думал Сталин, может заставить свою страну воевать на два фронта. Менее чем за неделю до того, как немцы привели свои войска в движение, он дал наркому государственной безопасности Всеволоду Меркулову следующие рекомендации относительно того, как нужно поступить с полученными советской разведкой совершенно секретными данными: «Можете послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к еб-ной матери. Это не “источник”, а дезинформатор»⁶. Не исключено, что теперь, когда Сталин понял, какой роковой просчет им допущен, он и сам был готов отправиться по вышеуказанному адресу. В ночь накануне войны начальник штаба армии Георгий Жуков и нарком обороны Семен Тимошенко умоляли его разрешить «дать директиву войскам о приведении всех войск [...] в полную боевую готовность». Сталин не позволил. Немецкий перебежчик Альфред Лисков рисковал собственной жизнью, чтобы сообщить Советскому Союзу о готовящемся нападении, но его данные тоже расценили как очередную дезинформацию. В итоге директива, появившаяся на

4 Подробнее см.: EDELE M. *Stalinism at War, The Soviet Union in World War II*. London: Bloomsbury, 2021. P. 47–67.

5 Дембски С. *Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг.* М.: РОССПЭН, 2018. С. 680–681.

6 *Резолюция Сталина на спецсообщении В.Н. Меркулова И.В. Сталину о военных приготовлениях Германии, 17 июня 1941 года // Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «СМЕРШ». 1939 – март 1946 / Сост. В.Н. Хаустов. М.: Демократия, 2006. С. 286–287.*

свет через полчаса после полуночи, обставляла приказ, предписывающий готовиться к возможному нападению, требованиями не поддаваться на провокации и не совершать никаких боевых операций без согласования с командованием. В результате у размещенных на границе советских частей, первыми принявших на себя удар немцев, руки были связаны⁷.

И вот теперь из-за своей неверной оценки планов и мотивов Гитлера Сталин оказался перед лицом катастрофы. Летом и осенью 1941 года в России разворачивалась самая страшная военная трагедия со времен похода Наполеона на Москву. Она была гораздо страшнее той, с которой столкнулся царский режим в Первую мировую войну и которая закончилась революцией и гражданской войной. Сталину, несомненно, осознававшему все это, очень скоро пришлось узнать, до какой степени плачевно обстоят дела на передовой. У него были все основания для тревоги. Примерно через неделю после начала войны Сталин подытожил ситуацию в широко известной теперь фразе: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали»⁸. Крах казался неминуемым.

Однако, как выяснилось позже, Сталин вновь оказался не прав. Советский Союз не только пережил катастрофу 1941 года, но и помог спасти мир от фашизма, одержав победу во Второй мировой войне в Европе⁹. В настоящей статье рассматривается вопрос о том, как именно Сталин управлял катастрофой, разразившейся летом 1941 года. В материале предпринята реконструкция того, как Сталин пытался действовать в новой для него ситуации, насколько ему пришлось импровизировать и каким образом, в конечном счете, ему удалось с помощью своих приближенных принять на себя ответственность за организацию обороны. В центре моего внимания – период между немецким нападением 22 июня и московской паникой 16–17 октября¹⁰. Это были решающие месяцы обучения самой

7 Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления: В 2 т.* М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 1. С. 260–262.

8 Цит. по: Куманев Г.А. *Говорят сталинские наркомы.* Смоленск: Русич, 2005. С. 62. Полностью фраза приводится в мемуарах одного из сталинских приближенных: Микоян А.И. *Так было. Размышления о минувшем.* М.: Вагриус, 1999. С. 390.

9 Подробнее см.: ЭДЕЛЕ М. *Who Won the Second World War and Why Should You Care? Reassessing Stalin's War 75 Years after Victory* // *Journal of Strategic Studies.* 2020. Vol. 43. № 6–7. P. 1039–1062.

10 Помимо воспоминаний людей, непосредственно находившихся рядом со Сталиным, важнейшим источником, освещающим его действия в военные годы, остается личный архив диктатора, хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 558). Большие выборки из этого собрания доступны благодаря Цифровому архиву Сталина (Stalin Digital Archive, www.stalindigitalarchive.com). Бесплатный доступ к этим файлам предоставляет ресурс «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>). Особый интерес представляют расшифровки разговоров Сталина с военными и гражданскими руководителями, осуществлявшихся по телеграфу (Переговоры по прямому проводу. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487, 488), которые частично опубликованы: *Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год.* М.: ТЕРРА, 1996. Т. 16. Подробнее об этом источнике см.: Рогатых А.Д. «У аппарата Сталин...»: записи переговоров по прямому проводу как источник по истории Великой Отечественной войны // *История и архивы.* 2020. № 3. С. 42–51. Еще одним источником,

жизнью, время проб и ошибок, импровизаций и инноваций. И хотя до завершения войны оставалось еще очень далеко, общий стиль руководства страной в военное время удалось отработать именно к завершению московского кризиса. Разумеется, Сталин еще не догадывался об этом, но, пережив лето 1941-го и одновременно сохранив свой режим, он практически победил Гитлера. После роковых месяцев, освещаемых в моей статье, победа стала исключительно вопросом времени¹¹.

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

Примерно через неделю после начала войны Сталин }
подытожил ситуацию в широко известной теперь }
фразе: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, }
его наследники, все это просрали».

ПЕРВЫЙ ЗАЛП

Узнав о начале войны, Сталин немедленно собрал свой ближний круг на совещание – это было первое, что он сделал¹². Ранним утром 22 июня в Кремль съехались члены Политбюро, а также нарком обороны Семен Тимошенко и начальник генерального штаба Георгий Жуков. По воспоминаниям последнего, заседание началось в 04:30. Однако в сталинском журнале приема посетителей указывается совсем другая встреча: та, которая началась в 05:45, когда в кремлевский кабинет вождя вошли заместитель председателя Совнаркома и нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, нарком внутренних дел Лаврентий Берия и представители армии в лице тех же Тимошенко и Жукова, а также начальника Главного политуправления РККА Льва Мехлиса. По мнению историка Олега Хлевнюка, эта несостыковка позволяет предположить, что первая встреча происходила не там, где вторая: возможно, она состоялась в квартире Сталина.

представляющим значительный интерес, выступают неоднократно опубликованные регистрационные журналы посетителей Сталина (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 413). В настоящей статье они цитируются по следующему изданию: *На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник* / Авт.-сост. А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. Я также использовал архивные документы из собрания Дмитрия Волкогонова, хранящегося в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. Микрофильмированные копии этих документов доступны в библиотеке Университета Мельбурна (далее – Volkogonov Papers). Более подробный обзор доступных первичных источников см. в работе: ХЛЕВНЮК О. *Сталин на войне: источники и их интерпретация* // *Cahiers du monde russe*. 2011. Vol. 52. № 2–3. P. 205–219.

11 См.: СТАНЭЛ D. *Operation Barbarossa and Germany's Defeat in the East*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

12 О Сталине как особом типе «командного игрока» см.: FITZPATRICK S. *On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics*. Melbourne: Melbourne University Press, 2015 (рус. перев.: Фицпатрик Ш. *О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике*. М.: Институт Гайдара, 2021).

Около 05:30 Молотов уехал для разговора с германским послом Вернером фон дер Шуленбургом – как раз после его отъезда все и собрались в сталинском кабинете. Получив подтверждение, что немцы действительно объявили войну, все еще колеблющийся Сталин согласился подписать Директиву № 2, позволившую, наконец, Красной Армии начать боевые действия. В ретроспективе полнейшим абсурдом представляется то, что этим документом, несмотря на быстрое продвижение противника в глубь советской территории и ужасающие потери РККА, красноармейцам недвусмысленно предписывалось не пересекать государственную границу. Директива была отправлена исполнителям в 07:15, причем сталинской подписи под ней не было: ее подписали Тимошенко, Жуков и секретарь ЦК Георгий Маленков. То был знак новых времен: Сталин, в 1930-е всеми силами стремившийся обеспечить себе положение тоталитарного диктатора и единолично руководивший страной по крайней мере со времен Большого террора 1937–1938 годов, в час катастрофы, сотворенной им собственными руками, предпочел уйти в тень своей команды¹³.

Хотя под директивой стояла фамилия Маленкова, сталинский журнал регистрации посетителей показывает, что на момент подписания документа этого деятеля в кабинете не было. Он появился лишь через пятнадцать минут, в 07:30, вместе с заместителем наркома иностранных дел Андреем Вышинским. Вскоре к ним присоединились нарком внешней торговли Анастас Микоян (07:55), нарком путей сообщения Лазарь Каганович и заместитель председателя Совнаркома Климент Ворошилов (08:00), а также нарком ВМФ Николай Кузнецов (08:15). Руководитель Коминтерна Георгий Димитров вошел в двери в 08:40 вместе со своим секретарем исполкома Дмитрием Мануильским. Суэта наблюдалась на протяжении всего дня: постоянно кто-то приходил, а кто-то уходил. Три военачальника (Тимошенко, Мехлис и Жуков) первыми покинули экстренное совещание – это произошло в 08:30; Берия и Маленков удалились в 09:20, Микоян – в 09:30, Каганович – в 09:35. Вышинский, Мануильский и Димитров оставались со Сталиным до 10:40, а Молотов до полудня. Некоторые из ушедших позже вернулись назад. Кузнецов вновь побывал в кабинете начальника с 09:40 до 10:20, а потом еще раз, с 15:20 до 15:45; повторный визит Микояна длился с 9:50 до 10:30; Берия возвращался на полчаса в 11:30, а также в 16:25, оставшись до завершения дневной встречи в 16:45. Маленков возвращался на полчаса в 11:30, Микоян пробыл в кабинете Сталина с 12:30 до 14:30, Вышин-

13 *На приеме у Сталина...* С. 337–338; КНЛЕВНИК О. *Stalin: New Biography of a Dictator*. New Haven: Yale University Press, 2015. P. 199–200 (ХЛЕВНИК О. В. *Сталин. Жизнь одного вождя*. М.: Corpus, 2015); WATSON D. *Molotov, A Biography*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2005. P. 189; Жуков Г. К. *Указ. соч.* С. 264–265.

ский – с 13:05 до 15:25, Тимошенко и Жуков – с 14:00 до 16:00. В 13:15 в кабинете появился новый посетитель – маршал Борис Шапошников, к которому в 14:00 присоединился генерал-лейтенант Николай Ватугин, удалившийся вместе с другими офицерами в 16:00. Люди приходили и уходили, и только два сподвижника, Ворошилов и Молотов, оставались рядом с диктатором на протяжении почти всего дня. Первый ненадолго отлучался с 10:15 до 10:40 и с 12:05 до 12:30, а у второго был лишь один короткий перерыв: с 12:05 до 12:35 он записывал свое знаменитое радиообращение. Все дневные встречи завершились в 16:45¹⁴.

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

Полнейшим абсурдом представляется то, что, несмотря на быстрое продвижение противника в глубь советской территории и ужасающие потери РККА, красноармейцам недвусмысленно предписывалось не пересекать государственную границу.

Что обсуждала команда Сталина 22 июня 1941 года? Стенограмм этих встреч нет, поэтому приходится полагаться на воспоминания участников. По словам Жукова, Сталин «был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку». Он все еще цеплялся за надежду, что речь идет о провокации поджигателей войны из числа германского генералитета, а не о масштабном нападении, санкционированном Гитлером. «Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, – парировал Тимошенко. – Какая же это провокация?» Но диктатор продолжал настаивать, что Гитлер, возможно, ничего не знает о происходящем, и поручил Молотову вызвать немецкого посла Шуленбурга, который уже спешил в Кремль на встречу с наркомом¹⁵.

Сталин решил не отдавать никаких новых распоряжений до возвращения Молотова. Когда же нарком вернулся с плохими новостями, подтвердив, что война началась всерьез, вождь, наконец, позволил начать отражение агрессии. После рассылки Директивы № 2 группа стала обсуждать, как объявить о начале войны населению. И снова Сталин укрылся за спинами своих приближенных: несмотря на то, что всенародное оглашение дурных вестей явно было частью его прерогатив как руководителя, он поручил это дело Молотову. «Мне нечего сказать народу. Пусть Молотов выступит», – заявил диктатор. Команда пыталась возражать, но безуспешно, Сталин не отступил. Ког-

14 На приеме у Сталина... С. 337–338.

15 Жуков Г.К. Указ. соч. С. 265.

да приходит беда, информировать о ней должен не он, а другие. Сама речь представляла собой плод коллективного труда: Молотов ее составил, Сталин отредактировал, а прочие члены вносили поправки. Вскоре после полудня Молотов отправился выступать. В его обращении к народу прозвучали знаменитые слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»¹⁶.

После возвращения Молотова дискуссии в сталинском кабинете продолжились. Среди обсуждаемых вопросов были, в частности, приказ о мобилизации граждан призывного возраста, а также создание Ставки главного командования. Размышляя, как справиться с чрезвычайной ситуацией, сложившейся на фронте, команда предложила инструмент кризисного управления, позже получивший широкое распространение, а именно направление полномочных представителей командования в зону боевых действий. Сталин, позвонив по телефону Жукову, отправил его на Юго-Западный фронт, а Шапошникову и еще одному маршалу, Григорию Кулику, предстояло выяснить, что происходит на Западном фронте. Уже через сорок минут Жуков был в пути. Даже не зайдя домой за вещами, он к вечеру 22 июня прибыл в Киев, где его встретил первый секретарь ЦК Коммунистической партии Украины Никита Хрущев. На автомобиле они отправились в Тернополь: там располагался наскоро оборудованный командный пункт Юго-Западного фронта¹⁷. Позже Хрущев вспоминал:

«Много было тревоги, когда мы, проезжая, останавливались и спрашивали, чтобы получить информацию о положении дел. В конце концов, к вечеру приехали на командный пункт. Он находился северо-западнее Тернополя, но близко от него, в какой-то деревушке. [...] Не помню, сколько пробыл Жуков у нас: день, два или три. Потом был получен звонок из Москвы. Жуков сказал мне, что его вызывает Сталин: “Приказал все оставить и срочно прибыть в Москву”»¹⁸.

Этот способ управления в критической ситуации – направлять своих полномочных представителей из одной горячей точки в другую, а потом вызывать их к себе для личного доклада – Сталин освоил еще в гражданскую войну, когда сам был одним из таких назначенцев. Позже вождь не раз обращался к нему в неразберихе первой пятилетки и потрясениях Большого террора. В целом именно хаос, царивший в СССР в 1930-е,

16 WATSON D. *Op. cit.* P. 189–190; КНЛЕВНИК О. *Stalin...* P. 200–201; цитата Сталина взята из интервью Микояна: КУМАНЕВ Г.А. *Указ. соч.* С. 58; *Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел, тов. В.М. Молотова, 22 июня 1941 года* // Правда. 1941. 23 июня. С. 1.

17 ЖУКОВ Г.К. *Указ. соч.* С. 267–268.

18 КHRUSHCHEV S. (Ed.). *Op. cit.* P. 304–305.

подготовил его команду к чрезвычайным практикам управления военного времени¹⁹.

Но вернемся, однако, к 22 июня. После откомандирования Жукова, Шапошникова и Кулика на фронт Сталин и его ближайшие сподвижники разработали Директиву № 3, которая оптимистично призывала к контрнаступлению. Сталин в очередной раз отошел в тень, вместо своей подписи скрепив документ подписями Тимошенко, Маленкова и Жукова. Последний из них с удивлением и даже некоторым смятением услышал, что он якобы причастен к созданию приказа, который командование на передовой сразу же сочло нелепым²⁰.

Встречи Сталина с членами советского руководства продолжались 23 июня: сначала с 03:20 до 06:25 у него были Молотов, Ворошилов, Берия, Тимошенко, Ватутин, Кузнецов, Каганович и главнокомандующий ВВС Павел Жигарев, а затем, с 18:45 до 01:25 следующего дня – Молотов, Жигарев, Тимошенко, Меркулов, Ворошилов, Вознесенский, Мехлис, Каганович, Ватутин, Кузнецов, Берия и начальник сталинской охраны Николай Власик²¹. Интенсивные встречи Сталина с главными помощниками не прекратились и в последующие дни: в его расписании зафиксирован напряженный график на 24 июня (с 16:20 до 21:30), 25 июня (с 01:50 до 05:50 и с 19:40 до 01:00), 26 июня (с полудня до 23:20), 27 июня (с 04:30 до 02:40) и 28 июня (с 19:35 до 00:50)²². Опираясь на эти факты, некоторые историки позже отмечали, что Сталин отнюдь не впал в депрессию, спрятавшись на даче, – напротив, он деловито включился в управление катастрофой²³.

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

19 О кризисном управлении в СССР в военное время см.: LIEBERMAN S.R. *Crisis Management in the USSR: The Wartime System of Administration and Control* // LINZ S.J. (Ed.). *The Impact of World War II on the Soviet Union*. Totowa: Rowman & Allanheld, 1985. P. 59–76; ЧЕРЕПАНОВ В.В. *Власть и война: сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне*. М.: Известия, 2006.

20 Жуков Г.К. *Указ. соч.* С. 268–270; КНЛЕВНИУК О. *Stalin...* P. 201.

21 *На приеме у Сталина...* С. 338.

22 Там же. С. 340–341.

23 Слухи о том, что Сталин после 22 июня забросил все свои обязанности, годами циркулировали в московской среде; Хрущев, повторив их в своем закрытом докладе 1956 года, фактически придал им официальный статус. Не имея возможности непосредственно наблюдать за тем, что тогда происходило в Москве, он резюмировал услышанное следующим образом: «После первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. [...] После этого в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его» (Хрущев Н.С. *Доклад на закрытом заседании XX Съезда КПСС «О культуре личности и его последствиях»*. М.: Госполитиздат, 1959. С. 35). Эта весьма расплывчатая констатация не раз интерпретировалась западными историками, которые выдвигали предположения, что Сталин вообще покинул свой пост на нескольких дней. Версия подпитывалась скудостью источников, на которые опирались эти классические произведения. См., например: ULAM A.V. *Stalin: The Man and His Era*. Boston: Beacon press, 1989. P. 536–541 (первое издание этой книги вышло в 1973 году). В интерпретации весьма информированного Дмитрия Волкогонова период отстраненности Сталина от руководства страной ограничивается 28–30 июня, что гораздо ближе к истине (Волкогонов Д.А. *Сталин. Кн. 2: Вожди*. М.: Новости, 1998. С. 167–176). Новую версию, которой здесь придерживаюсь и я, представил Роберт Сервис: SERVICE R. *Stalin: A Biography*. Cambridge: Belknap Press, 2005. P. 412–415.

Чем же вождь занимался в период с 22-го по 29 июня? По словам Олега Хлевнюка, «действия Сталина в первые дни войны были лихорадочными, беспорядочными и реактивными»²⁴. Он посылал бессмысленные приказы командирам фронтов, запрещающая отступить и требуя вместо этого «активными действиями уничтожить противника»²⁵. Но одновременно он работал со своей командой; во взаимодействии с ней создавались Совет по эвакуации и Совинформбюро, а также разрабатывались меры противодействия вражеским парашютистам и диверсантам. По воспоминаниям Микояна, обычно Сталин собирал свою команду в середине дня или вечером, затем все расходилось для короткого сна, а утро посвящалось решению вопросов по телефону:

«Мы разошлись поздно ночью. Немного поспали утром. Потом каждый стал проверять свои дела, звонить друг другу, в Генштаб, каждый по своей линии: как идет мобилизация, как промышленность переходит на военный лад, как с горючим, снаряжением, транспортом и т.д.»²⁶.

Таким образом, более или менее спонтанно высшее руководство начинало функционировать по той модели, которой впоследствии руководствовался Государственный комитет обороны (ГКО), объединивший группу «борцов с проблемами» под началом лично Сталина. На первых порах в управленческой практике сохранялись некоторые пережитки довоенных лет – например, многочасовые заседания с большим количеством участников, – но очень скоро от подобных мероприятий начали отказываться, так как они не поспевали за стремительным развитием событий на фронте²⁷. Так формировался новый стиль работы и новая форма взаимодействия высшего начальства, которая в конечном счете была закреплена в работе ГКО. Эта институционализация состоялась в ходе преодоления психологической слабости вождя – уникального кризиса уверенности Сталина в себе, который разразился спустя неделю после начала военных действий.

ПЕРЕЛОМ

Кризис вызревал с раннего утра 22 июня, но разразился лишь неделю спустя, 29 июня. То, что происходило в тот и последующие дни, послужило сырьем для масштабного мифотворчества,

24 Кнлевнiуk O. *Stalin...* P. 203.

25 *Сталин и Жуков – Кузнецову, 28 июля 1941.* Volkogonov Papers. Box 7. Reel 4.

26 Цит. по: Куманев Г.А. *Указ. соч.* С. 59.

27 Там же. С. 59–60.

включая известное утверждение, что Сталин после нападения немцев впал в депрессию и устранился от всего и от всех. На деле кризис оказался коротким, но весьма бурным. Журнал регистрации посетителей, принятых Сталиным, оставался пустым 29 июня, в воскресенье, и 30 июня, в понедельник. Встречи, однако, возобновились 1 июля во второй половине дня и продолжались до глубокой ночи – к тому времени кризис уже миновал²⁸.

Что же произошло за два дня? В своих суждениях на этот счет мы вновь зависим от воспоминаний очевидцев, которые, как известно, не всегда точны. Самым важным нашим источником остается Анастас Микоян. Он сообщает, что 29 июня «у Сталина в Кремле» состоялась встреча, на которой присутствовали Молотов, Маленков, Берия и он сам. Учитывая, что в сталинском журнале о ней нет ни слова, скорее всего разговор происходил в кремлевской квартире вождя, а не в его рабочем кабинете. Новости с фронта оставались невнятными, поэтому Сталин позвонил Тимошенко, требуя пояснений. Нарком обороны, однако, тоже не был осведомлен о последних событиях. В результате Сталин решил лично отправиться в народный комиссариат обороны, чтобы на месте разобраться, что все-таки происходит. Состоявшаяся там встреча политиков и военачальников в лице Тимошенко, Жукова и Ватутина была напряженной. Сталин вышел из себя и набросился на своих генералов. Жуков, только что вернувшийся с фронта, по словам Микояна, «разрыдался как баба и быстро вышел в другую комнату». Похоже, нервный срыв одного из самых сильных советских командиров оказал на диктатора «отрезвляющий эффект». Покидая военное ведомство, Сталин бросил свою знаменитую ремарку о наследии Ленина, процитированную выше²⁹.

Лишь после этой стычки в наркомате вождь пережил момент истины. Он уехал на дачу в Кунцево и на следующий день не появился на работе. Историки расходятся в интерпретации этого момента: некоторые видят в таком поведении реализацию хитроумного плана опытного манипулятора, желавшего испытать своих подчиненных, заставить их прийти к нему и подтвердить его лидерство – именно так Иван Грозный в свое время поступил с боярами³⁰; другие не придают случившемуся какого-то особого значения³¹; наконец, третьи интерпретируют эту пару дней как серьезнейший кризис. Лично я склонен согласиться с последним предположением. «Сталин не провел

МАРК ЭДЕЛ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

28 На приеме у Сталина... С. 340–341.

29 Цит. по: КУМАНЕВ Г.А. Указ. соч. С. 61–62.

30 См.: SERVICE R. *Op. cit.* P. 414; FITZPATRICK S. *Op. cit.* P. 152.

31 См.: ROBERTS G. *Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939–1953*. New Haven: Yale University Press, 2006. P. 89–95.

на даче и двух полных дней, не говоря уже о трех, но, учитывая катастрофические обстоятельства, даже краткое отсутствие лидера страны должно было показаться вечностью», – подчеркивает Хлевнюк³². Хотя мы, вероятно, никогда не узнаем, ожидал ли Сталин ареста, как позже предполагали сын наркома Серго Микоян, а также Лаврентий Берия, последовательность событий однозначно указывает на то, что он испытал прозрение, спровоцированное срывом Жукова: вождь в полной мере осознал, насколько ужасающе обстоят дела³³. Разумеется, его не могла не посетить мысль о собственном отстранении – об этом свидетельствует, в частности, то, в каких словах он после победы вспоминал о начале войны:

«У нашего правительства [то есть лично у товарища Сталина. – М.Э.] было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах. [...] Какой-нибудь другой народ мог бы сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду»³⁴.

Разумеется, «народ» в контексте сталинской тоталитарной диктатуры мало что значил, и Сталин не мог не понимать этого. Но зато «ближний круг» вождя был способен на очень многое, о чем Сталину тоже было известно. Тем не менее приближенные не выбросили патрона за борт – напротив, они посчитали своим долгом вернуть его на капитанский мостик тонущего государственного корабля, столь безрассудно им покинутый, и постарались воодушевить его.

Молотов взял инициативу на себя. Поняв, что Сталин оставил свой пост, он на следующий день (30 июня) собрал ближайших сподвижников диктатора: Маленкова, Ворошилова и Берия, к которым потом присоединились Микоян и Вознесенский. Как сообщил Молотов своим товарищам, вождь впал в депрессию, потерял интерес к происходящему и не отвечает на телефонные звонки. Пытаясь найти выход из катастрофического положения, в котором они оказались, собравшиеся решили задействовать модель, хорошо показавшую себя в годы гражданской войны: воссоздать ленинский Совет труда и обороны. Новый орган, который было решено назвать Государственным комитетом обороны (ГКО), должен был совмес-

32 КНЛЕВНИУК О. *Stalin...* P. 205.

33 О вставках Серго Микояна в текст собственного отца см.: КНЛЕВНИУК О. *Stalin...* P. 206. О воспоминаниях Берия в изложении Хрущева см.: КНРУСНСНЕВ С. (Ed.). *Op. cit.* P. 304.

34 НЕВЕЖИН В.А. *Застолья Иосифа Сталина. Книга 1: Большие кремлевские приемы 1930-х–1940-х гг.* М.: Новый хронограф, 2011. С. 338. Интересно, что после слов «мог бы сказать» Сталин изначально написал «ну вас к черту», однако затем вычеркнул бранное выражение. После долгого редактирования улучшенная версия оригинальной речи 25 мая 1945 года была опубликована в газете «Правда». О том, как редактировался текст, см.: Там же. С. 335–342.

тить исполнительные функции Совнаркома, законодательные полномочия Верховного Совета и партийные прерогативы Центрального комитета ВКП(б). Возглавить новую структуру предстояло самому Сталину³⁵.

Как отмечалось, однако, выше, речь шла о формализации института, уже успевшего возникнуть спонтанно. Выдвигаемая идея, таким образом, решала еще одну задачу: она позволяла заместителям Сталина пойти на разговор с вождем, не обвиняя его в дезертирстве. По словам Хлевнюка, это был «блестящий план». После обсуждения персонального состава создаваемого органа – кого включить в комитет, а кого оставить вне его – группа расселась по машинам и поехала на дачу Сталина, чтобы сообщить новости. Они намеревались подбодрить своего лидера, и им это удалось. Когда Молотов доложил о предложении, разработанном товарищами, вождь изменился «буквально на глазах, прежнего испуга – как не бывало, плечи выпрямились». На следующий день в газетах появилось сообщение об образовании ГКО – сталинской формы кризисного управления в военное время³⁶.

Описанный кризис стал весьма показательным событием. Он продемонстрировал, до какой степени Сталин, сделавший все возможное, чтобы утвердиться в качестве непререкаемого лидера, все еще нуждался в своем окружении. Но одновременно трудные дни показали, насколько команда нуждалась в нем самом. Сталинским приближенным, похоже, даже в голову не пришло, что им представился блестящий шанс избавиться от этого человека. Ведь, в конце концов, он был лидером, из действий которого в 1930-е годы следовало, что он готов уничтожать не только партийные кадры и, в еще больших масштабах, простых граждан, но даже членов собственной семьи и ближайших друзей. Каждый из приближенных прекрасно понимал, пока Сталин остается у власти, ни о каких гарантиях личной безопасности или безопасности родственников не может быть и речи. И все же они не могли представить себя командой, вдруг лишившейся головы и оставшейся без своего гения – лидера – вождя.

Этот недостаток воображения оказался, в конечном счете, на руку Сталину. Непоколебимая преданность сподвижников помогла ему взять себя в руки после короткого замешательства. Теперь он с головой окунулся в работу, устремив страну к победе любой ценой. Прежний Сталин вернулся: он уже никогда больше не поддастся давлению обстоятельств. И действительно, даже когда к октябрю 1941-го положение из дурного превратилось в ужасающее, немцы вышли к пригородам

35 *На приеме у Сталина...* С. 61–64.

36 Там же.

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

Москвы, а в столице началась паника, у Сталина не было никакого кризиса. Диктатор был спокоен и тверд: «Ну, это ничего. Я думал, будет хуже»³⁷.

ВНОВЬ У РУЛЯ: БОЛЬШОЙ ТЕРРОР 1941 ГОДА

Таким образом, Сталин вышел из своего краткого затворничества окрепшим. Безоговорочная поддержка со стороны ближайшего окружения настолько вернула ему уверенность в себе, что 3 июля он, наконец, решился обратиться к своему народу. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!» – такими словами начиналась его речь³⁸. В подобном обращении слышалась новая, непривычная тональность, и люди это почувствовали. Историки также отмечают, что именно в тот момент состоялась «реорганизация власти внутри Политбюро ЦК»³⁹. Некоторые из них пошли еще дальше, охарактеризовав войну как период, свободный от сталинской диктатуры⁴⁰.

Однако ни новый тон во взаимоотношениях с населением, ни возросшая роль сталинской команды, ни признание окружением его абсолютного лидерства не смогли сдержать склонность к насилию, присущую диктатору. Если поначалу над ним довлело понимание, что именно его предвоенный курс обернулся полнейшим фиаско, то теперь ему нужно было найти других виноватых. Самой известной жертвой этого рефлексорного позыва стал Дмитрий Павлов, командующий Западным фронтом. 30 июня он был отстранен от должности, 4 июля арестован и после этого, 22 июля вместе с группой других генералов был приговорен к смертной казни и расстрелян в тот же день⁴¹.

Этот случай был не единственным, хотя и исключительным, поскольку речь шла о командире высшего звена. В целом же

37 Цит. по: *Воспоминания бывшего Наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина // Москва при фронтовой. 1941–1942: архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачев, А.Н. Пономарев. М.: Мосгорархив, 2001. С. 267. См. также интересные оценки того, как Москва пережила первое военное полугодие, у британского дипломата-историка: BRAITHWAITE R. *Moscow 1941: A City and Its People at War*. New York: Knopf, 2006 (БРЕЙТВЕЙТ Р. *Москва 1941: город и его люди на войне*. М.: Голден-Би, 2006).*

38 *Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина, 3 июля 1941 года // Правда. 1941. 3 июля. № 182. С. 1.*

39 КНЛЕВНИК О. *Stalin...* Р. 206.

40 ZUBKOVA E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. Armonk; London: M.E. Sharpe, 1998. P. 16–18; BONWETSCH B. «Ich habe an einem völlig anderen Krieg teilgenommen». *Die Erinnerung an den «Großen Vaterländischen Krieg» in der Sowjetunion // BERDING H., HELLER K., SPEITKAMP W. (Hrsg.). Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. S. 147–148.

41 Подробнее см.: *Павлов Дмитрий Григорьевич // Герои страны (www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1000); Военная коллегия Верховного Суда СССР. Приговор Павлова Д.Г. и других, 22 июля 1941 года. Volkogonov Papers. Box 6. Reel 4.*

вторая половина 1941 года была отмечена настоящей вакханалией насилия, развернутого советским правительством в отношении собственных граждан. За этим, по формулировке Олега Будницкого, «Большим террором 1941 года» стояло не только желание Сталина выместить свои ошибки на других – вождь просто не умел справляться с катастрофами как-то иначе. Один из известных ему способов заключался в том, чтобы направлять в «горячие точки» своих представителей, наделенных чрезвычайными полномочиями и готовых решать любые проблемы силой; другой способ включал в себя комбинацию угроз, наказаний и преследований. Таков был *modus operandi*, освоенный им еще в годы гражданской войны; именно к нему диктатор обращался в периоды самых острых кризисов, подобных коллективизации и раскулачиванию. Тем же самым, кстати, оказалось и его реагирование на осознание глубочайшей изоляции большевистского режима как внутри страны, так и за ее пределами: именно оно во второй половине 1930-х запустило машину Большого террора. Вполне логичным было ожидать, что в контексте 1941 года Сталин вновь начнет решать проблемы «железной рукой»⁴².

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

Вторая половина 1941 года была отмечена настоящей вакханалией насилия, развернутого советским правительством в отношении собственных граждан.

Уровень репрессий в разгар катастрофы 1941 года поистине поражает. Количество дел, возбужденных по обвинениям в контрреволюционных преступлениях, увеличилось с 6028 во втором квартале 1941-го до 17 482 в третьем квартале (в четвертом оно немного снизилось – до 13 093). Если в первой половине 1941 года за подобные преступления в РСФСР были приговорены к смертной казни 124 человека, то во второй половине уже 1535. Всего в 1941 году за контрреволюционную деятельность на смерть осудили 8001 человека, тогда как в 1940-м подобных осужденных было только 1649. В 1942 году это число достигнет максимума за все военные годы, составив 23 278 человек, и только в 1943-м существенно снизится – до 3579. К этим цифрам можно добавить более 11 тысяч заключенных, убитых НКВД во время эвакуации тюрем в западных ре-

42 См.: ARGENBRIGHT R. *Red Tsaritsyn: Precursor of Stalinist Terror* // *Revolutionary Russia*. 1991. Vol. 4. № 2. P. 157–183; KHLEVNIUK O. *The Reasons for the «Great Terror»: The Foreign-Political Aspect* // PONS S., ROMANO A. (Eds.). *Russia in the Age of Wars*. Milan: Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, 2000. P. 159–169; EDELE M. *Stalinist Society, 1928–1953*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 114–119; HARRIS J. *The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s*. Oxford: Oxford University Press, 2016; БУДНИЦКИЙ О. *The Great Terror of 1941: Toward a History of Wartime Stalinist Criminal Justice* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20. № 3. P. 447–480.

гионах страны и в ходе «марша смерти» в восточных регионах, а также еще 10 тысяч отставших от своих частей или дезертировавших красноармейцев, расстрелянных к 10 октября за линией фронта. Ничего подобного не было со времен террора 1937–1938 годов⁴³.

Со временем казни применялись все реже, и в марте 1942 года наиболее смертоносная фаза сталинского террора военных лет наконец завершилась⁴⁴. Продолжились, однако, массовые депортации. Принудительное переселение народов в целях укрепления безопасности границ не было новостью: первую такую акцию Советы предприняли еще в 1937 году, депортировав корейское население с Дальнего Востока после того, как в соседнем Китае началась война⁴⁵. 26 августа 1941 года совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) предписало переселить всех немцев из Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в Сибирь, Казахстан и на Крайний Север⁴⁶. Это решение положило начало крупнейшей за все военное время депортации советских народов. По ходу войны насильственному изгнанию с обжитых мест подверглись итальянцы, греки, румыны, калмыки, карачаевцы, чеченцы и ингуши, крымские татары и другие. Депортации «вражеских» народов сделали важнейшей составляющей сталинских военных усилий⁴⁷. Команда Сталина активно занималась этим в августе и сентябре 1941-го: Берия в качестве наркома внутренних дел лично курировал переселение немцев, давая указания НКВД и получая донесения о ходе операции вплоть до октября; его заместитель Меркулов руководил той же операцией в Ленинграде, которая в свою очередь была инициирована Молотовым, Маленковым и Косыгиным⁴⁸.

Поглощая огромные ресурсы, Большой террор 1941 года никак не способствовал мобилизации военного времени. Он не мог остановить массовой сдачи в плен оставшихся без коман-

43 ВУДНИТСКИЙ О. *Op. cit.* P. 452–453; *История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов: В 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / Под ред. Н. ВЕРТА, С.В. Мироненко, И.А. Зюзиной. М.: РОССПЭН, 2004. С. 608; Справка по итогам эвакуации заключенных из тюрем НКВД–УНКВД, 24 января 1942 г. // Неизвестный ГУЛАГ. Документы и факты / Сост. А.Н. Дугин. М.: Наука, 1999. С. 22; С.Р. Мильштейн – Л.П. Берии, октябрь 1941 // Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «СМЕРШ»... С. 317–318.*

44 ВУДНИТСКИЙ О. *Op. cit.* P. 471.

45 Подробнее см.: EDELE M. *Stalinism at War...* P. 33–38.

46 О «второй немецкой операции» лета 1941 года и судьбах затронутых ею людей см.: ВАТЛИН А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 191–197.

47 См.: РОНЛ J. O. *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949*. Westport: Greenwood Press, 1999; MARTIN T. *Stalinist Forced Relocation Policies: Patterns, Causes, Consequences* // WEINER M., RUSSELL S. (Eds.). *Demography and National Security*. New York: Berghahn Books, 2001. P. 305–337; *Сталинские депортации. 1928–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева, Н.Л. Поболя, П.М. Поляна. М.: Демократия, 2005; Деннингхаус В. В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011.*

48 *История сталинского ГУЛАГа...* С. 455–473, 668–669.

дилов, отчаявшихся и окруженных солдат – скорее, наоборот, многих он подталкивал к дезертирству. Те, кто храбро сражался в 1941 году – а таких тоже было много, – становились героями не из-за того, что в их спины упирались стволы НКВД, а в силу внутренней мотивации. По мнению Роджера Риза, одного из самых известных американских специалистов по Красной Армии, повсеместное применение насилия в армейских рядах было неэффективным и зачастую контрпродуктивным. Хотя обращение к репрессиям подобного масштаба было типичным для Сталина в стрессовых ситуациях, с военной точки зрения оно оставалось абсолютно не оправданным⁴⁹.

Впрочем, даже в разгар летнего кризиса 1941 года Сталин и его команда смогли проявить определенную гибкость. На фоне ужесточившихся репрессий в отношении предполагаемых «врагов» и разворачивавшихся депортаций немцев и финнов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 года в массовом порядке были освобождены из мест заключения лица, осужденные по статьям драконовского трудового законодательства 1940 года. К началу ноября в соответствии с этим актом ГУЛАГ покинули 260 тысяч человек; многие из-за решетки были отправлены в действующую армию⁵⁰. Оставшись без трудоспособных граждан, лагеря превратились в изоляторы для больных и умирающих. По этой причине они сыграли гораздо меньшую роль в советской победе, чем иногда предполагают⁵¹.

«ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕНЕДЖЕР»?

Сталин лично инициировал большую часть репрессий, в том числе и пресловутый приказ № 270 от 16 августа, угрожавший каждому сдавшемуся командиру расстрелом и арестом семьи. Именно этот документ лег в основу ложного обвинения павшего смертью героя, генерал-лейтенанта Владимира Качалова, которому ставился в вину переход на сторону врага⁵². В сентябре Сталин надиктовал Георгию Жукову, секретарю Ленинградского обкома и горкома Андрею Жданову, его заместителю Алексею Кузнецову и заместителю наркома внутренних дел Всеволоду Меркулову гневное послание, в котором возмущался:

49 REESE R. *Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II*. Lawrence: University Press of Kansas, 2011. P. 151–175; EDELE M. *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

50 *История сталинского ГУЛАГа...* С. 424, 664–665.

51 Подробнее об этом см.: ALEXOPOULOS G. *Illness and Inhumanity in Stalin's Gulag*. New Haven: Yale University Press, 2017; BELL W.T. *Stalin's Gulag at War: Forced Labour, Mass Death, and Soviet Victory in the Second World War*. Toronto: University of Toronto Press, 2018; EDELE M. *Stalinism at War...* P. 126–128.

52 EDELE M. *Stalin's Defectors...* P. 73–74. См. текст документа: *Приказ Ставки Верховного главного командования Красной Армии № 270, 16 августа 1941 года* // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

«Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие против делегатов от занятых немцами районов: [это] старики, старухи, женщины и дети, которые просили “сдать Ленинград и установить мир”. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожать в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам»⁵³.

В том же месяце, разговаривая с Жуковым по телефону, он рекомендовал не слишком церемониться с военнопленными: «Вы военнопленным не очень верьте, опросите с пристрастием, а потом расстреляйте»⁵⁴. Таков был Сталин образца гражданской войны и Большого террора: человек из стали, вновь обратившийся к методам отчаянных послереволюционных лет и восстановивший 16 июля 1941 года в Красной Армии институт комиссаров – чтобы контролировать тех, кому он не доверял⁵⁵. С той же целью были сформированы и заградительные отряды, призванные обеспечить «ликвидацию инициаторов паники и бегства»⁵⁶. Задачи же подготовки и непосредственного проведения репрессий делегировались Берии и его людям: Сталин знал, что глава НКВД справится с этим, как никто другой⁵⁷.

Между тем вождь принял на себя руководство военными усилиями страны не только на внутреннем, но и на внешнем уровне. Он переписывался с Уинстоном Черчиллем и Франклином Рузвельтом по поводу создания антигитлеровской коалиции и проводил часы с британским послом Стаффордом Криппсом. Все эти дипломатические усилия вопреки надеждам Сталина не убедили англичан открыть второй фронт на европейском континенте; что же касается Соединенных Штатов, то они вступили в войну лишь в конце года, после нападения японцев на Перл-Харбор. Сталинские труды, однако, сначала увенчались британско-советским соглашением от 12 июля 1941 года, а затем и ощутимыми военными поставками, санкционированными сек-

53 Сталин – Жукову, Жданову, Кузнецову, Меркулову, 12 сентября 1941 г. Volkogonov Papers. Box 7. Reel 4.

54 Сталин – Жуков. Переговоры по прямому проводу, 4 сентября 1941 г. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 73. О масштабах и причинах расстрела военнопленных Красной Армией см.: EDELE M. *Take (No) Prisoners! The Red Army and German POWs, 1941–1943* // *The Journal of Modern History*. 2016. Vol. 88. № 2. P. 1–38.

55 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Библиотека нормативно-правовых актов СССР (www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4329.htm).

56 *Всем фронтам, армиям и дивизиям. Главкому Юго-Западного направления, 12 сентября 1941 года*. Volkogonov Papers. Box 7. Reel 4. О деятельности подобных отрядов в годы гражданской войны см.: ERICKSON J. *Red Army Battlefield Performance, 1941–1945: The System and the Soldier* // ADDISON P., CALDER A. (Eds.). *Time to Kill: The Soldier's Experience of War in the West, 1939–1945*. London: Pimlico, 1997. P. 242; MASLOV A. *How Were Soviet Blocking Detachments Employed?* // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1996. Vol. 9. № 2. P. 427. Заградительные отряды появились повсеместно после приказа № 227 от 28 июля 1942 года.

57 KNIGHT A. *Beria: Stalin's First Lieutenant*. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 113–115; PARRISH M. *The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953*. Westport: Praeger, 1996. Ch. 4–5; НКВД СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 / Сост. Д.А. Жуков, И.И. Ковтун, С.А. Шурлов. М.: Тончу, 2020.

ретным протоколом Московской конференции 1 октября того же года. Две встречи советского лидера с посланником американского президента Гарри Гопкинсом, состоявшиеся 30-го и 31 июля, были посвящены деталям военного содействия США Советскому Союзу – важного вклада в победу. В среднесрочной перспективе деятельность Сталина в первые военные месяцы закладывала основания для Великого альянса, в конечном счете выигравшего войну⁵⁸. На эту работу приходилось тратить часы, поскольку Сталин старался уделять время не только встречам с иностранными дипломатами и ведению переписки, но также взаимодействию с прессой – по крайней мере с одним американским журналистом он встретился лично⁵⁹.

Деятельность Сталина не ограничивалась только Западным фронтом – с Востока тоже исходила немалая угроза. Прежде всего Сталину требовалось дезавуировать надежды, питаемые Китаем. Продолжая свои давние попытки втянуть СССР в войну с Японией, китайское правительство настаивало на своем участии в Московской конференции. Это предложение, полученное через китайского посла, встревожило советского лидера, который опасался, что оно может спровоцировать японцев. После побед на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, одержанных в 1938–1939 годах с большими потерями, Сталин лишь в апреле 1941-го смог добиться от «восточных империалистов» пакта о нейтралитете. К концу августа он отнюдь не был уверен, что предусмотренные им договоренности будут соблюдаться. Тем не менее ему следовало любой ценой избежать войны на два фронта, которая на фоне катастрофы 1941-го представля-

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

- 58** Первое послание Черчилля было передано Сталину Криппсом 8 июля в ходе визита в Кремль, который продлился около часа. 10 июля британский посол вернулся со вторым посланием. Он также посещал кабинет Сталина 12-го, 21-го, 26 июля, 6-го и 19 сентября. Их встречи обычно длились от тридцати минут до часа (см.: *На приеме у Сталина...* С. 343–344, 349). Некоторые состоявшиеся в Кремле встречи в бумагах Сталина не фиксировались. Например, 16 августа 1941 года Сталин и Молотов принимали посла Великобритании Стаффорда Криппса и посла США Лоуренса Штейнгардта, но в журнале посетителей упоминания об этом событии нет (см.: *Прием тов. Сталиным американского посла Штейнгардта и английского посла Криппса, 16 августа 1941 года*. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 255. Л. 46). Следовательно, мы не можем точно подсчитать количество часов, проведенных Сталиным с Криппсом (в книге посетителей отмечены в общей сложности 6 часов и 18 минут). Сталин отправил свое первое послание Черчиллю 18 июля; за ним последовали и другие. Иногда вместо того, чтобы писать ответ, он излагал его Криппсу устно. В то время как взаимодействие с Великобританией инициировалось Черчиллем, в контактах с американцами Сталин взял инициативу на себя, впервые написав Рузвельту 4 августа; американский президент ответил письмом от 14 августа, написанным совместно с Черчиллем. Переписка с англосаксонскими лидерами вне Московского протокола продолжалась на протяжении всего периода, рассматриваемого в настоящей статье, отнимая у Сталина немало времени и внимания (см.: Печатнов В.О., Магадеев И.Э. *Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование*. М.: Олма, 2015. Т. 1. С. 30–80). Первая встреча Сталина и Гопкинса подробно задокументирована: *Прием тов. Сталиным личного представителя Рузвельта г-на Гопкинса, 30 июля 1941 года*. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 376. Л. 2–6. На следующий день Гопкинс снова встретился со Сталиным, на этот раз в его кремлевском кабинете (*На приеме у Сталина...* С. 344). Об обеих встречах сообщалось в «Правде», в номерах от 31 июля и 1 августа.
- 59** См.: *Прием тов. Сталиным редактора американской газеты «Пост Меридиан» г-на Ральфа Ингерсолла, 3 сентября 1941 года*. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Л. 36.

лась полнейшим кошмаром. Поэтому заместителю наркома по иностранным делам Соломону Лозовскому было выдано следующее предписание:

«Китайцу скажите прямо, что конференция будет обсуждать вопросы войны с Германией, с которой не воюет Китай, а не войны с Японией, с которой воюет Китай. Поэтому участие Китая на этой конференции СССР считает исключенным»⁶⁰.

Занимаясь международной политикой, Сталин одновременно руководил и ведением войны. Он лично принимал решения о распределении имеющихся резервов («с сегодняшнего дня все танки держать для Москвы и никому не давать больше танков»⁶¹), назначал военачальников⁶², указывал, когда нужно взрывать бросаемые во время отступления склады боеприпасов («только в самый последний момент»⁶³), советовал, как и когда использовать авиацию для поддержки танковых соединений на земле⁶⁴, давал подробные указания по развертыванию ракетных установок знаменитой «Катюши» – новой боевой машины М-865. Он подписывал постановления об уходе за ранеными⁶⁵, обеспечении сеном Красной Армии⁶⁷, оплате труда колхозников⁶⁸ и мобилизации населения на уборку урожая⁶⁹. Многие из этих документов официально оставались актами ЦК и СНК, но скреплявшая их сталинская подпись ясно показывала, кто на самом деле был главным.

Многие другие документы обнародовались от лица Государственного комитета обороны – нового органа, который он теперь возглавлял. С 1 июля по 17 октября ГКО выпустил 809 постановлений и распоряжений. Они регулировали все на свете:

- 60** Сталин – Лозовскому, 30 августа 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 327. Л. 117–118. О распространенных летом 1941 года опасениях, связанных с возможным нападением японцев, см.: EDELE M. *Stalinism at War...* P. 106–107.
- 61** Записки И.В. Сталина командующему БТ и МВ Красной Армии генералу Я.Н. Федоренко, 3 августа 1941 года. Volkogonov Papers. Box 6. Reel 4.
- 62** Сталин и Шапошников – командующему войсками Закавказья, 9 августа 1941 года. Volkogonov Papers. Box 7. Reel 4.
- 63** Приказ Ставки Главного Командования Красной Армии, 30 июня 1941 года. Ibid.
- 64** Сталин – Еременко, 6 сентября 1941 года. Ibid.
- 65** Сталин и Шапошников – командующим фронтами и армиями, 1 августа 1941 года. Ibid.
- 66** Постановление ГКО об организации управлений и отделов по руководству эвакуационными пунктами в органах Наркомата здравоохранения и Комитетов помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии, переданное телеграммой в Пензу обкому ВКП(б) и облисполкому, 22 сентября 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4237. Л. 1–2.
- 67** Постановление ЦК ВКП(б) об утверждении постановления СНК СССР о мероприятиях, обеспечивающих удовлетворение возросших потребностей Красной Армии в сене и соломе, переданное телеграммой № П522 в Пензу обкому ВКП(б) и облисполкому, 1 сентября 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4238. Л. 1–4.
- 68** Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о разрешении колхозам производить повышенную оплату труда колхозникам и комбайнерам, выполняющим установленные нормы, переданное телеграммой № П533 в Пензу обкому ВКП(б) и облисполкому 25 сентября 1941 г. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4242. Л. 1–4.
- 69** Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о привлечении к уборке урожая сельскохозяйственных культур всего трудоспособного населения, переданное телеграммой № П534 в Пензу обкому ВКП(б) и облисполкому 26 сентября 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4245. Л. 1.

от назначения специальных уполномоченных Ставки до тушения пожаров в Москве; от производства танков, грузовиков и самолетов до наказания распространителей панических слухов; от строительства аэродромов до эвакуации предприятий, людей и скота; от персонального состава Совета по эвакуации до формирования новых воинских частей⁷⁰. В роли наркома обороны Сталин издал еще один свод приказов: в частности, об организации работы политруков, улучшении связи и реорганизации управления кадров Красной Армии, норме продовольственных пайков для летных экипажей, новом обмундировании для красноармейцев. В том же ряду были благодарственные письма бойцам противовоздушной обороны, прикрывавшим Москву, и летчикам, бомбившим Берлин, предупреждение о том, что «трусов и паникеров» будет ждать судьба Павлова, разъяснения, касающиеся использования моторизованного транспорта, правил призыва в армию и многое другое. Без усталости принимая те или иные решения, Сталин явно находился в своей стихии⁷¹.

Военных вопросов, по которым диктатор не пожелал бы высказаться, почти не было. В этом смысле вполне типичен разговор по телеграфу, который 20 июля 1941 года состоялся между ним и командующим Западным фронтом Тимошенко:

«У аппарата Сталин, здравствуйте. Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии и из этого пока что ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах?»⁷²

Тимошенко, конечно, согласился. Непреходящий хаос и отсутствие информации зачастую раздражали диктатора, который был склонен объяснять беды не тяжелой обстановкой на передовой, а некомпетентностью своих подчиненных. Так, в телеграфном разговоре с Шапошниковым 25 июля он констатировал:

«Очень плохо, что у фронта и Главкома нет связи с рядом армий. Даже китайская и персидская армии понимают значение связи в деле управления армией, неужели мы хуже персов и китайцев? [...] Невозможно терпеть дальше эту дикость, этот позор. [...] Либо будет ликвидировано разгильдяйство в деле связи, либо Ставка будет вынуждена принять крутые меры. Всё»⁷³.

70 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: В 2 т. / Под ред. А.К. Сорокина. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 1. С. 37–161.

71 Приказы Наркома обороны СССР за период с 20 июля по 10 сентября 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 462; Приказы Наркома обороны СССР за период с 11 сентября по 28 декабря 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 463.

72 Сталин – Тимошенко. Переговоры по прямому проводу, 20 июля 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 1.

73 Сталин – Шапошников. Переговоры по прямому проводу, 25 июля 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 10.

В этом прямом и непосредственном руководстве воплощалось гипертрофированное восприятие Сталиным собственного военного гения. Естественно, его вмешательство в тактические вопросы и командную практику нередко оказывалось контрпродуктивным. Но в то же время в нем проявлялся разительный контраст с первыми днями войны: Сталин больше не прятался за спинами своей команды. Он сам подписывал приказы вместе с одним или несколькими ближайшими сподвижниками, а чаще и вовсе единолично. Вместо того, чтобы ждать от подчиненных инициативы, он руководил своим окружением, а вместе с ним и военными действиями в целом.

Непреходящий хаос и отсутствие информации зачастую раздражали диктатора, который был склонен объяснять беды не тяжелой обстановкой на передовой, а некомпетентностью своих подчиненных.

Не довольствуясь просто выдачей руководящих указаний и возложением контрольных функций на других, Сталин лично следил за тем, чтобы его подчиненные добросовестно исполняли свою работу. Как уже отмечалось, он объяснял командующим фронтами, какие приказы им следует отдавать. Одновременно он столь же пристально следил за тем, что происходило в тылу. Он забрасывал местные власти телеграммами, предписывавшими ускорить сбор урожая⁷⁴, разгрузку скопившихся на станциях вагонов⁷⁵ или сбор теплых вещей для красноармейцев⁷⁶. Если командующий фронтом не отвечал предъявляемым требованиям, то диктатор направлял на место своих доверенных уполномоченных, которым поручалось принять командование на себя. 12 августа он писал маршалу Семену Буденному, генерал-майору Александру Покровскому, а также секретарю ЦК КПУ Никите Хрущеву о защите черноморского города Николаева: «Ком. фронта Тюленев оказался несостоятельным. Он не умеет наступать, он не умеет также

74 Телеграмма № П523 председателя СНК СССР и секретаря ЦК ВКП(б) в Пензу председателю облисполкома Дажину, копия секретарю обкома ВКП(б) Кабанову А.Ф. с указанием принять немедленно меры к ускорению уборки и сохранению урожая от потерь. 3 сентября 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4239. Л. 1–4.

75 Телеграмма № П540 в Пензу секретарю обкома ВКП(б) Кабанову, копии председателю облисполкома Дажину, начальнику Пензенской дороги Платонову, начальнику политотдела дороги Кореньгину о резком сокращении выгрузки на Пензенской дороге, с указанием обеспечить выгрузку на дороге не менее 1600 вагонов в сутки, разработать мероприятия по усилению выгрузки и обеспечить контроль за ходом. 14 октября 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4241. Л. 1–2.

76 Телеграмма № П528 ЦК ВКП(б) в Пензу секретарю обкома партии, копия секретарю обкома комсомола с сообщением постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 года о сборе теплых вещей и белья для Красной Армии и создании комиссий по сбору теплых вещей при обкомах и Центральной комиссии под председательством Андреева А.А. 6 сентября 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4244. Л. 1–4.

отводить войска. Он потерял две армии таким способом, каким не теряют даже и полки». Адресатам поручалось разобраться с этим, а при необходимости эвакуировать город и взорвать промышленные предприятия; одновременно в документе указывалось, что ждать помощи в обороне им не стоит – верховное командование не сможет выделить ни войск, ни авиации⁷⁷. Для каждого «проблемного» подчиненного Сталин умел находить нужные слова. Можно, например, представить себе реакцию командующего Ленинградским фронтом Маркиана Попова, который 28 августа 1941 года получил от вождя следующее послание:

«Ваши сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчет прорывов, обострения положения и прочее. [...] Ставка требует, чтобы Вы наконец перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую Вам роль Командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск»⁷⁸.

Сталин и его команда

В других случаях Сталин был на редкость вежлив, меняя тональность там, где это, по его мнению, обещало больший эффект. В частности, он решил, что Тимошенко лучшеотреагирует на мягкое дружелюбие, нежели на жесткую прямоту. «Моя просьба к Вам самому перейти Вязьму и руководить всеми армиями фронта, а на участок Рокоссовского и Хоменко послать Еременко, – диктовал Сталин своему секретарю Александру Поскребышеву, облекая приказ в форму пожелания. – Очень прошу Вас согласиться»⁷⁹. Подобная вежливость не была чем-то случайным: в отношении конкретно этого военачальника она практиковалась системно.

«Передайте Маршалу [Тимошенко], что я очень прошу его согласиться с предложением Ставки о переброске 2 кавкорпуса в распоряжение Ставки. Я знаю, что это будет большая жертва с точки зрения интересов Юго-Западного фронта. Но я прошу пойти на эту жертву»⁸⁰.

В августе Сталин столь же деликатно обошелся с генерал-полковником Михаилом Кирпоносом – героем Советского Союза,

77 Сталин – Буденному, Хрущеву, Покровскому, 12 августа 1941 года. Volkogonov Papers. Box 7. Reel 4.

78 Сталин – Попову, 28 августа 1941 года. Volkogonov Papers. Box 6. Reel 4.

79 Тимошенко – Поскребышев. Переговоры по прямому проводу, 1 августа 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 12.

80 Записка Сталина для передачи командующему Юго-Западным фронтом маршалу Тимошенко, 27 октября 1941 года. Volkogonov Papers. Box 6. Reel 4.

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

которому вскоре суждено было погибнуть в боях за Украину, – и Никитой Хрущевым, терпеливо объясняя, что им придется самостоятельно наладить производство вооружений на Украине, поскольку из центра никаких поставок не предвидится.

«Что касается того, чтобы я поддержал вас в деле пополнения и снабжения ваших частей, то я, конечно, приму все возможные и невозможные меры для того, чтобы помочь вам. Но я все же попросил бы вас больше рассчитывать на себя»⁸¹.

В другом разговоре с Кирпоносом вождь продолжал в том же тоне: «Комитет Оборона и Ставка очень просят вас принять все возможные и невозможные меры для защиты Киева. Недели через две будет легче, так как у нас будет возможность помочь вам свежими силами». Эту беседу верховный главнокомандующий завершил словами: «Очень хорошо. Крепко жму Вашу руку. Желаю успеха. Всё»⁸². В такие моменты вновь появлялся Сталин начала 1930-х, еще остающийся *primus inter pares* и обдуманно руководивший своей командой, полагаясь на убеждение или даже обаяние вместо запугиваний и издевательств⁸³.

Возрождение сталинской команды в качестве главного элемента советской управленческой машины стало главным событием лета 1941 года. Исходный порыв сталинских соратников заключался в том, чтобы предложить хозяину еще больше власти, сделав его руководителем ГКО. Более того, новый виток централизации соответствовал базовым тенденциям советской политики 1930-х, где на смену сталинской команде, доминировавшей в начале десятилетия, после Большого террора пришло единоличное тоталитарное правление⁸⁴. Однако предоставление вождю еще большей власти в ответ на проявленную им слабость было рискованным шагом. Ведь, в конце концов, все внешнеполитические провалы, подобные пакту Молотова–Риббентропа, кровопролитной финской войне или отказу всерьез воспринять германскую угрозу в июне 1941 года, стали результатом разрушения коллективных форм управления из-за инициированного единолично диктатором Большого террора. Как и любой человек, Сталин совершал ошибки; он делал их чаще, если вокруг не находилось никого, кто осме-

81 Сталин – Кирпонос и Хрущев (*Юго-Западный фронт*). Переговоры по прямому проводу, август 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 19. Терпение Сталина, однако, имело свои пределы. Ниже в том же разговоре он счел уместным добавить, что причиной, из-за которой украинцы еще не наладили выпуск нового оружия, была их собственная «невнимательность» (Л. 20).

82 Сталин – Кирпонос. Переговоры по прямому проводу, 8 августа 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 25.

83 Об отношениях в команде в 1930-е годы см.: FITZPATRICK S. *Op. cit.* P. 64–88; о сталинском «шарме» см.: SERVICE R. *Op. cit.* P. 332, 453, 575.

84 WHEATCROFT S.G. *From Team-Stalin to Degenerate Tyranny* // REES E.A. (Ed.). *The Nature of Stalin's Dictatorship: The Politburo, 1924–1953*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2003. P. 79–107.

лился бы усомниться в правильности его решений. Накануне войны вождь настолько затерроризировал свое окружение, что оно не осмеливалось произнести ни слова.

МАРК ЭДЕЛЕ

СТАЛИН ЛЕТОМ 1941-го:
УПРАВЛЯЯ КАТАСТРОФЕЙ

Именно поэтому, явившись на сталинскую дачу 30 июня, сподвижники вождя предоставили ему отнюдь не только заверения в собственной лояльности и предложение возглавить ГКО. Важно подчеркнуть, что одновременно они подтвердили свое право принимать коллективные решения: проект создания ГКО был разработан ими не по указанию диктатора, но по собственной инициативе. Сталин, подумав, согласился с изменившимся порядком вещей – с этими людьми он прошел потом всю войну. Таким образом, если лето 1941-го трудно считать величайшим проявлением гения «отца народов», то война в целом, безусловно, стала «звездным часом» сталинской команды⁸⁵.

Как и любой человек, Сталин совершал ошибки; он делал их чаще, если вокруг не находилось никого, кто осмелился бы усомниться в правильности его решений. Накануне войны вождь настолько затерроризировал свое окружение, что оно не осмеливалось произнести ни слова.

Децентрализация тоталитарной диктатуры в военное время, затронув ближний круг диктатора, распространилась и на всю политическую систему. В тылу партийные руководители, директора оборонных предприятий и председатели колхозов получили довольно широкую свободу действий – при условии удовлетворения ими всех запросов Москвы. Командиры на передовой теперь могли проявлять большую инициативу, организуя атаку или оборону. Таким образом, если команда Сталина спасла его персонально от созданной им же системы, то масштабная децентрализация власти в военные годы спасла Советский Союз от той тоталитарной диктатуры, которая была выстроена вождем в конце 1930-х. Именно эта новая «децентрализованная диктатура», а не тоталитарный диктатор, выиграла войну и спасла Европу от мрачного фашистского будущего⁸⁶.

Но нельзя ли в таком случае пойти еще дальше и заявить, как это сделал Хрущев в своем закрытом докладе, что СССР пережил 1941 год и победил в войне вопреки Сталину? По моему мнению, такая интерпретация была бы неправильной. О том,

⁸⁵ FITZPATRICK S. *Op. cit.* P. 12.

⁸⁶ KHLEVNIIK O. *Decentralizing Dictatorship: Soviet Local Governance during World War II* // The Russian Review. 2018. Vol. 77. № 3. P. 470–484.

каким неумехой оказался Сталин в 1941-м, написано очень много. И это правда: в первое военное лето диктатору отнюдь не удалось покрыть себя неувядаемой славой⁸⁷. Однако мы не должны быть слишком строгими к нему. Даже в лучшие времена уделом любого тирана остаются одиночество и пустота; оказаться же тоталитарным лидером, у которого все вдруг начинает валиться из рук, вообще ужасно. Неудивительно, что он был груб со своими подчиненными и срывался на них, воздвигая свою власть на терроре, а не на авторитете. Понятно также, почему его постигло столь глубокое отчаяние.

Вместе с тем следует признать, что в то роковое время диктатор продемонстрировал и определенную стойкость. Полтора дня сомнений, неуверенности и депрессии не кажутся затяжным срывом на фоне грандиозной катастрофы, с которой он столкнулся. Когда команда сплотилась вокруг него, он триумфально вернулся. Он справлялся с бедой, которую сам же и вызвал, с апломбом, присущим устоявшемуся стилю работы: сочетанию угроз и репрессий с проявлениями «шарма», а также умению работать без отдыха и держать в голове (и в маленькой записной книжке) невероятное количество деталей. Взятые по отдельности эти элементы едва ли сработали бы, но зато их совокупность оказалась весьма эффективной⁸⁸.

КРЕМЛЕВСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Вместе с тем и децентрализация политической системы военного времени, и возрождение сталинской команды происходили под пристальным оком вождя. Независимо от того, насколько Сталин нуждался в сплоченном и преданном круге приближенных, его Советский Союз продолжал функционировать как диктатура одного человека. Теперь он терпел стороннюю инициативу, но право на последнее слово тем не менее не делегировалось никому. Если же его подчиненные позволяли себе слишком многое, то Сталин одергивал их, не стесняясь в выражениях, – особенно когда что-то шло не так. Когда его эмиссары в Ленинграде в лице Ворошилова, Жданова, Кузнецова и Попова начали вести себя слишком самостоятельно, вождь 22 августа 1941 года специально телеграфировал им, чтобы вернуть сподвижников с небес на землю. В вину им вменялось не только то, что они не сумели остановить наступление немцев, но и то, что они присвоили себе прерогативы, им не принадлежащие. Разгневанный главнокомандующий писал:

87 Идем. *Stalin...* P. 208–213.

88 Эффективность, проявленная Советским Союзом в военные годы, несмотря на многочисленные изъяны коммунистической системы, является одной из главных тем моей книги «Stalinism at War».

«Вы создали Военный Совет обороны Ленинграда. Вы должны понимать, что Военный Совет может создать только Правительство или по его поручению Ставка. Мы просим вас в другой раз не допускать такого нарушения. В своем приказе о создании Военного Совета обороны вы предлагаете выборность батальонных командиров. Это неправильно организационно и вредно политически. Это тоже надо исправить»⁸⁹.

После того, как полученный ответ не удовлетворил Сталина, он еще раз почти буквально, но с большей жесткостью настоял на своем:

«Вы создали Военный Совет обороны, не имея на это права, Военные Советы создаются только Правительством или Ставкой. У нас нет гарантии, что вы опять не надумаете чего-либо такого, что не укладывается в рамки нормальных взаимоотношений. Вы ввели выборное начало в рабочие батальоны. Мы с этим мириться не можем, а вы даже не ответили на этот вопрос. [...] Мы никогда не знали о ваших планах и начинаниях, мы всегда случайно узнаем о том, что что-то наметили, о том, что что-то спланировали, а потом получилась прореха. Мы с этим мириться также не можем. Вы не дети и знаете хорошо, что в прощении не нуждаетесь. Ссылка ваша на перегруженность смешна. Мы не менее вас перегружены. Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия, ввиду чего и действуете как на изолированном острове, ни с кем не считаясь»⁹⁰.

Однако, несмотря на явное недовольство вождя, к серьезным последствиям для его ленинградской команды оно не привело. Фактически конфликт с ленинградцами закончился чем-то вроде компромисса. Если в вопросе об избрании командиров ленинградцы признали свою ошибку, то в продвижении своих организационных новаций им отчасти удалось добиться своего: через два дня, 24 августа, было опубликовано постановление о создании Ленинградского Военного совета обороны (в отличие от первоначального и секретного варианта этого документа, в новый орган теперь входили Ворошилов и Жданов, как того требовал Сталин). Причем это не было необходимым шагом, учитывая, что первоначальный состав Совета комплектовался втайне⁹¹. Затем Сталин направил в Ленинград комиссию ГКО, которой поручалось изучить ситуацию на месте; она пробыла в городе неделю, но никаких кадровых решений не приняла – за исключением назначения Петра Кубаткина на должность начальника городского НКВД. Наконец,

89 Сталин, Молотов, Микоян и другие – Ворошилов, Жданов, Кузнецов, Попов. Переговоры по прямому проводу, 22 августа 1941 года. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 30.

90 Там же. Л. 33.

91 BIDLACK R., LOMAGIN N. *The Leningrad Blockade, 1941–1944: A New Documentary History from the Soviet Archives*. New Haven: Yale University Press, 2012. P. 86–90.

в начале сентября Сталин отправил Жукова сменить Ворошилова на посту командующего фронтом; чуть раньше был заменен и Попов⁹².

Но все остальные руководители остались на своих местах: Жданов продолжал работать секретарем горкома и обкома, пока в 1944 году его не повысили, переведя в аппарат ЦК в Москве. Кузнецов оставался его заместителем – вторым секретарем обкома и горкома – до тех пор, пока в 1945 году его не сделали первым секретарем. Даже Ворошилов, несмотря на свою очевидную некомпетентность, не понес никакой ответственности. Он оставался членом ГКО и Ставки, по ходу войны получал важные государственные задания и даже участвовал в Тегеранской конференции 1943 года. Попов тоже на протяжении военных лет занимал различные руководящие и командные должности⁹³.

Эта калибровка диктатуры, в конце концов, тоже стала частью летней истории 1941 года: и Сталину, и его команде предстояло на практике опробовать пределы новых свобод военного времени, определяясь, сколько инициативы допустимо и когда требуется просить разрешения, совета и руководства у мудрого вождя. Эти решения, безусловно, требовали обсуждения, но никогда не было сомнений в том, за кем останется последнее слово. Со своей стороны Сталин учился делегировать часть работы своим подчиненным и ограничивать террор низшими уровнями: расстрел генералов впредь будет скорее исключением, нежели правилом. Таким образом, сталинизм и на войне остался сталинизмом; теперь, однако, его модель, сложившаяся к концу 1930-х, сдерживалась и лимитировалась вызовами и требованиями военного времени.

Авторизованный перевод с английского Екатерины Иванушкиной, преподавателя психологического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

92 Ibid. P. 95–96, 106; *Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945. Люди. События. Факты. Справочник* / Под ред. О.А. Ржешевского. М.: Республика, 2000. С. 202.

93 *Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945...* С. 63–64, 96, 138, 202; *Вокруг Сталина: историко-биографический справочник* / Сост. В.А. Торчинов, А.М. Леонтьев. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. С. 217–219.